УДК 94(575.1)

РОЛЬ ПАРТИЙНЫХ И СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ СССР В БОЛЬШОМ ТЕРРОРЕ

Р.Р. Шамситдинов

Maqolada O‘zbekistondagi “Katta qirg‘in”ning ayrim jihatlari – SSSR va O‘zSSR partiya hamda sovet organlarining 1937–1938-yillarda qatag‘onlarni amalga oshirishdagi ishtiroki ko‘rib chiqilgan. Tarixning ushbu davrini o‘rganish va arxiv hujjatlarini tahlil qilish natijasida ular ommaviy hibsga olishlar, deportatsiyalar va qatllarni amalga oshirishda faol rol o‘ynagani, bu esa ko‘plab qurbonlar va mamlakat aholisi uchun dahshatli oqibatlarga olib kelganligi haqida xulosa chiqarishga asos beradi, O‘zbekiston SSR da keng ko‘lamli repressiya, siyosiy zo‘ravonlik qo‘llanilganidan dalolat beradi.

Kalit so‘zlar: *partiya organlari, sovet hokimiyati, “Katta qirg‘in”, antisovet unsurlar, qatag‘onlar*.

В статье рассматриваются некоторые аспекты Большого террора в Узбекистане, участие партийных и советских органов СССР и УзССР в проведении репрессий в 1937–1938 гг. Изучение данного периода истории и анализ архивных документов дают основания утверждать, что они играли активную роль в проведении массовых арестов, депортаций и расстрелов, что привело к множеству жертв и ужасным последствиям для населения страны, и свидетельствует о широкомасштабной репрессии и политическом насилии в Узбекской ССР.

Ключевые слова: *партийные органы, советская власть, Большой террор, антисоветские элементы, репрессии.*

Участие партийных и советских органов Узбекистана в Большом терроре было неотъемлемой частью репрессивной политики, проводимой советским правительством. В период с 1937 по 1938 гг., в рамках Большого террора, Советский Союз стал ареной политических репрессий и массовых убийств, которые были осуществлены с целью установления абсолютной власти коммунистической партии. Было осуждено и убито множество людей, среди которых политические деятели, представители интеллигенции, военнослужащие, крестьяне и т.д. Действия партийных органов в этот период стали неотъемлемой частью проведения репрессий и политических чисток в стране [1. С. 624].

Доклад И.В.Сталина (3 марта 1937 г.) «О политическом воспитании партийных кадров и мерах борьбы с троцкистскими и иными двурушниками в парторганизациях» на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б), а также резолюция пленума по докладу Н.И. Ежова «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов» стали идеологической основой и сыграли руководящую роль в проведении репрессий, которые привели к Большому террору. НКВД просил Политбюро ЦК ВКП(б) принять санкции на арест подозреваемых троцкистов, вредителей и других антисоветских элементов. Об этом свидетельствуют многочисленные специальные сообщении наркома Ежова в адрес Политбюро ЦК ВКП(б).

Из постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «Об антисоветских элементах» от 11 июля 1937 г. видно, что по всем вопросам, включая организационные, решения принимались наверху. «Утвердить тройки по проверке антисоветских элементов: ...3. По Узбекской ССР в составе т.т. Икрамова, Балтабаева и Загвоздина.

Утвердить намеченных к расстрелу 1489 чел. и выселке 3952 чел. (все категории, указанные в телеграмме).

Разрешить пересмотр в тройке дел националистов-террористов. Тройки по пересмотру антисоветских элементов по Кара-Калпакской АССР не создавать» [2. С. 242.]

В Узбекистане, как и во всей стране, выполняя указания Центра, партийные органы активно участвовали в организации и проведении Большого террора. Они играли роль политической опоры и руководства для верховной власти, что позволяло им беспрепятственно проводить массовые репрессии и подавлять любые формы инакомыслия и диссидентства. Партийные и советские органы, прежде всего, обеспечивали реализацию политики сталинского режима в республике, планировали и координировали проведение

репрессий в отношении «врагов народа», ставили целью поиск и ликвидацию предполагаемых внутренних и внешних оппозиционных элементов, представителей националистических движений, инакомыслящих и пр. Партийные органы имели полномочия контролировать и исключать членов партии и соответствующих институтов власти, а также принимали активное участие в проведении судебных разбирательств и вынесении решений о расстрелах и ссылках людей.

Комиссии по политическим вопросам при партийных органах имели все права в принятии и реализации решений о репрессивных мерах. Они также отвечали за формирование и подготовку кадров, контроль за идеологической линией и «правильными» взглядами советских людей.

Партийные и советские органы играли ключевую роль в установлении и поддержании диктатуры в стране и осуществлении репрессивной политики сталинского режима. Проникая во все сферы жизни общества, они контролировали и подчиняли себе все институты власти, осуществляли полный контроль над гражданами и преследовали «врагов народа». В ходе политики репрессий и преследований «врагов народа» множество невинных людей были подвергнуты жестоким пыткам, арестам, заключению в лагерях и ссылкам. Политическая репрессия также привела к искажению правды и подавлению свободы слова и мысли [3]. Люди боялись выражать свое мнение, опасаясь попасть под преследование и стать жертвой репрессий. Это приводило к созданию атмосферы страха и подавленности в обществе. Система докладов и донесений поощряла нападки на любого, кто мог считаться «политическим противником». При помощи таких донесений осуществлялись аресты, часто без всякого суда и следствия.

Партийные и советские органы в Узбекистане играли роль инструмента поддержания и укрепления диктатуры, контроля и репрессий в обществе. Участие партийных органов в Большом терроре в Узбекистане также проявлялось в обеспечении функционирования лагерей и колоний, где содержались политические заключенные и «враги народа». Эти структуры партийных органов контролировали все аспекты жизни заключенных, от условий содержания до распределения трудовых обязанностей. Партийные органы также проводили масштабные кампании по «разоблачению врагов народа», подрыву доверия и сотрудничества между людьми, особенно в сельской местности. Они стимулировали постоянную деятельность по доносам и формировали атмосферу страха и подозрительности, что способствовало более эффективной работе органов госбезопасности. Однако главной целью участия партийных органов в Большом терроре в Узбекистане, на наш взгляд, было уничтожение любых потенциальных и реальных угроз для режима и укрепление его политической и идеологической власти. В соответствии с указаниями «сверху» партийные органы, реализующие политические репрессии, исключали любые проявления независимости и неповиновения, призывая к абсолютной верности лидеру и партии.

Период 1937–1938-х гг. в Узбекистане характеризуется тем, что представители национально-ориентированной интеллигенции, стремившиеся к реализации перспектив культурно-национального возрождения и прогрессивного развития узбекского народа, подвергались жестким преследованиям и репрессивным мерам со стороны советских органов власти. Данная категория лиц рассматривалась как потенциальная угроза для утверждения коммунистической идеологии и политики принудительной унификации на территории среднеазиатского региона и, соответственно, являлась одним из основных объектов политических репрессий в рассматриваемый исторический период.

Советская власть и партийные органы считали, что такой жестокий подход является необходимым для сохранения политической стабильности и поддержания дисциплины в обществе [4. С. 521]. Партийные органы играли ключевую роль в организации и координации репрессивных мероприятий, которые шли в русле политики укрепления власти и подавления любой оппозиции. Одной из основных ролей партийных органов было обеспечение реализации политики сталинского режима на местах: ими осуществлялось планирование и руководство процессом проведения массовых арестов, ссылок и расстрелов, контроль над судебными разбирательствами, в целом принятие решений о судьбе «врагов народа» [5. С. 663]. Партийные органы предоставляли некую политическую опору для верховной власти, что давало возможность безнаказанно преследовать любые формы диссидентства. Они формировали политически обоснованные (с их точки зрения) обвинения, ставили под угрозу членство в партии, а также распоряжались самой жизнью тех, кто не соответствовал требованиям и идеологии сталинской системы.

Участие партийных и советских органов в проведении репрессий необходимо рассматривать в контексте политической идеологии того времени.

Сталинский режим концентрировал власть в руках партии, отталкиваясь от ленинизма и пролетарского интернационализма. Приоритетом было укрепление авторитарной власти, поддержка единого лидера и подавление любых возможных угроз политической стабильности. Партийные органы в Узбекистане имели власть и контроль над государственными институтами и органами безопасности в республике. Они играли роль основных исполнителей политической линии государства и принимали решения о массовых арестах и репрессиях. Изучение механизмов принятия решений и координации действий партийных и советских органов в ходе Большого террора в Узбекистане позволяет получить более глубокое понимание организации и проведения репрессий в этот период. В частности, механизмы принятия решений основывались на централизованной системе власти, где высшие руководители партии определяли политическую линию и цели. В Узбекистане подобные решения принимались на республиканском и региональном уровнях, при этом направлялись в центральный аппарат Коммунистической партии СССР.

Координация действий партийных органов также была тесно связана с деятельностью органов государственной безопасности, НКВД и др. Партийные органы работали вместе с ними в ходе организации арестов, следственных мероприятий и вынесении смертных приговоров. Эта координация позволяла партийным органам иметь полный контроль над процессом репрессий и уничтожения «врагов народа». Роль партийных органов в принятии решений и координации действий достигала своего выражения через комиссии по политическим вопросам [6. С. 29–32]. Эти комиссии принимали на себя задачи расследования и разоблачения предполагаемых врагов, проведения ими «террористических и антисоветских актов» [7. С. 389]. Они формулировали обвинения, принимали решения о дальнейших репрессивных мерах.

Изучение механизмов принятия решений и координации действий партийных органов в ходе Большого террора позволяет понять масштаб операции, ее систематичность и подход к реализации, а также раскрывает специфику идеологической индоктринации [2] и манипуляции, направленных на удержание власти и контроль над обществом. Анализ этих механизмов помогает разобраться в том, как и почему партийные и советские органы Узбекистана стали активными участниками в проведении репрессий и уничтожении «неугодных власти». Причины для такого активизма можно разделить на несколько основных:

Во-первых, политическая система Советского Союза была построена на идеологии коммунизма, которая предполагала классовую борьбу против «врагов народа» и установление диктатуры пролетариата. Партийные и советские органы были пронизаны этой идеологией, их представители были убеждены в необходимости бороться с предполагаемыми противниками революции.

Во-вторых, осуществление репрессий и уничтожение «неугодных власти» было одним из способов укрепления власти Коммунистической партии и ее лидеров в Узбекистане. Они стремились устранить любые возможные угрозы своей позиции и поддерживать тоталитарный контроль над узбекским обществом. Использование партийных и советских органов для этой цели обеспечивало консолидацию власти и удаление любых конкурентов [8. С. 102].

В-третьих, в условиях политической нестабильности и роста антикоммунистических настроений в Узбекистане репрессивная политика рассматривалась как средство подавления любых проявлений неповиновения или оппозиции. Страх перед потенциальными врагами и жестокость репрессивных мер мотивировали органы безопасности к активной и систематической деятельности.

В-четвертых, существовало окружение, конкурирующее между собой и осуществляющее борьбу за влияние внутри Коммунистической партии Советского Союза. Лидеры и члены партии стремились доказать свою преданность и лояльность, а также решительность в борьбе против предполагаемых врагов. Все это создавало атмосферу соперничества, в которой часто превалировали радикализация и экстремизм, а насилие и репрессии были признаны наиболее эффективными средствами достижения целей.

В-пятых, распространение сведений о потенциальных заговорах в отношении коммунистического режима подогревало ненависть и паранойю, а также содействовало принятию репрессивных мер. Идеологическая пропаганда постоянно подчеркивала угрозу со стороны внешних и внутренних врагов, что создавало атмосферу страха и способствовало легитимизации репрессий.

В-шестых, отсутствие независимой судебной системы и ограничений на власть советских и партийных органов позволяло им «свободно» применять репрессивные меры и уничтожать политических оппонентов. Партийные и советские органы были частью системы, к которой

применялись двойные стандарты и безнаказанность.

Наконец, важно отметить, что партийные и советские органы активно участвовали в репрессиях не только из страха и убежденности, но и из стратегических соображений [9. С. 288]. Репрессии позволяли сгладить внутренние противоречия, подавить возможные внутренние конфликты и сохранить политическую стабильность. Это было особенно важно в условиях перехода к индустриализации и коллективизации, когда было нужно мобилизовать и контролировать общество. При этом репрессии служили средством устранения потенциальных препятствий на пути к данным целям. В условиях социальных преобразований, экономических и политических изменений содержание и классовый состав общества кардинально менялись [10]. Возникали новые социальные группы, интересы и потребности. Репрессии позволяли партии и советским органам поддерживать контроль над обществом и удерживать власть, предотвращать возможные внутренние конфликты и достигать необходимой для режима социальной стабильности в Узбекистане. Однако такая политика подавления имела серьезные последствия:

1. Массовые репрессии вызывали растущее недовольство среди населения, подрывали доверие к власти. Это создавало риски социальной напряженности и нестабильности в долгосрочной перспективе.

2. Ограничение свободы слова, творчества и экономической инициативы сдерживали развитие республики, сужали возможности для модернизации и инновационного роста.

3. Чрезмерная концентрация власти в руках партийно-советского аппарата способствовала бюрократизации и коррупции, что вызывало общее недовольство в обществе.

4. Игнорирование национальных и культурных особенностей узбекского народа, его традиций и ценностей вызывало недовольство и сопротивление советской политике унификации.

«СПРАВКА

На территории хлопковых совхозов Скадовского р-на имеется к.-р. кулацкая группа, в состав которой входят:

1. *ХАМРАКУЛОВ Атабай.*
2. *АСРАНКУЛОВ Сатыбай.*
3. *ТАШХОДЖАЕВ Шарифходжа.*
4. *МАТКАРИМОВ Салиходжа.*
5. *САЛИЕВ Нормирза.*
6. *ПАЗИЛОВ Кабильджан.*

Следственными данными устанавливается, что перечисленные фигуранты к.-р. кулацкой группы, будучи в Узбекистане, являлись агентами басмаческих шаек, которым оказывали материальную помощь на протяжении 1917-1923 годов.

Со времени прибытия в трудопоселок они сгруппировались и до 1938 г., будучи связанными между собой на идеологической основе, систематически проводили к.-р. работу, направленную на подрыв доверия существующему строю. ГАХО. Ф. 4033 Оп. 6 д. 887 Л. 1» [11. С. 90–91].

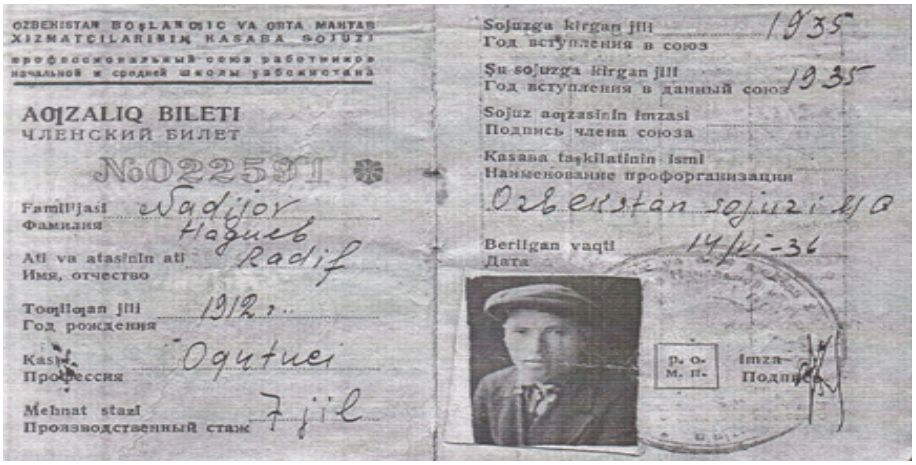
Партийные и советские органы Узбекистана активно выявляли и преследовали так называемые «контрреволюционные кулацкие группы» среди узбекских трудопоселенцев. В указанной справке перечислены шесть человек, которых обвиняли в связях с басмаческими формированиями и систематической «контрреволюционной работе». В сводке описывается собрание на квартире одного из указанных в справке лиц – Хамракулова Атабая. На этом собрании присутствовали еще несколько человек, которые, по информации осведомителя, высказывали антисоветские настроения. В частности, Ташходжаев и Маткаримов предлагали «выпить за скорейшее освобождение людей от советской власти» и «за скорую гибель советской власти». Приводимые в сводке «факты» об осуждении советской власти, ностальгии по прошлому и предсказаниях войны в СССР, по-видимому, служили доказательной базой для обвинений в «контрреволюционной агитации» и «антисоветской деятельности». Соответственно, местные партийные и советские органы использовали любые высказывания, критические по отношению к советскому строю, для формирования дел о «врагах народа» и массовых репрессий в отношении узбекских крестьян и трудопоселенцев.

Таких дел было очень много [12. С. 352–353], приведем некоторых из них:

Дело № 14142 Андижанского сектора НКВД УзССР по обвинению Худайбердыева Муллы Абдуллы, 1897 г. р., уроженца кишлака Кзыл-Ой Ходжи-Абадского р-на УзССР, быв. кулак – раскулачен, от репрессии скрылся. В момент ареста член колхоза. Обвиняется в том, что систематически проводил а/с агитацию, направленную против Сов. власти, колхозного строительства и о голоде, т.е. в пр. ст. 66 ч. 1 УК УзССР. Решением заседания тройки Худайбердыев М.А. заключен в ИТЛ на десять лет, считая срок с 27 ноября 1937 г.;

Дело № 14142 Андижанского сектора НКВД УзССР по обвинению Маткурбанова Муллакуча, 1889 г. р., уроженца кишлака Ярбаши Ходжи-Абадского р-на УзССР, из семьи середняка, имама. В момент ареста член колхоза. Обвиняется в том, что систематически среди колхозников занимался к-р и а/с агитацией против колхозного строя, т. е. в пр. ст. 66 ч. 1 УК УзССР. Решением заседания тройки Маткурбанов М. заключен в ИТЛ на десять лет, считая срок с 27 ноября 1937 г.

Жертвами репрессий в Узбекистане также становились люди, критиковавшие руководство на собраниях. Так, был арестован Надеев Радиф Фаридович, по национальности татарин, сын бывшего духовника, до ареста работал сельским учителем. Надеев был обвинен в том, что среди колхозников и учащейся молодежи проводил троцкистскую провокационную агитацию, восхвалял врагов народа.

В постановлении о предъявлении обвинения было указано, что «в январе 1937 г. Надеев Радиф в беседе с учителем Джида-Капинской школы Каримовым о связях Бухарина с бывшими членами к-р троцкистского параллельного центра Пятаковым, Радеком и др. защищал Бухарина, восхвалял последнего, характеризуя такового, как ученого, умного человека, высказывая, что Бухарина обвиняют несправедливо, имея бухаринскую литературу, производил читку таковой Каримову. В том же месяце т/года, прорабатывая по истории партии вопрос об октябрьской революции, особо выпячивал врага народов Троцкого, восхвалял последнего, как имевшего заслуги в пролетарской революции...». Надеев Радиф был осужден на 10 лет в ИТЛ.

Дело Надеева Радифа [13] было лишь одним из многочисленных случаев массовых политических репрессий, развернувшихся в Узбекской ССР в годы Большого террора. По указаниям партийных и советских органов местные органы НКВД, прокуратуры и суда вели активную работу по выявлению и привлечению к уголовной ответственности «врагов народа», «буржуазных националистов» и «троцкистов». Массовые аресты, показательные процессы и вынесение смертных приговоров стали обычной практикой в Узбекистане в этот период. В целом партийно-советский аппарат Узбекской ССР играл ключевую роль в реализации политики Большого террора, осуществляя широкомасштабные репрессии против собственного населения по прямым указаниям центральных властей.

В целом тема Большого террора и роли партийно-советских органов Узбекистана в этих событиях является очень сложной и противоречивой. С одной стороны, архивные данные свидетельствуют о том, что руководство республики активно участвовало в репрессиях, зачастую перевыполняя планы по выявлению «врагов народа», что приводило к массовым необоснованным арестам, пыткам и расстрелам тысяч невинных людей. С другой стороны, часть историков отмечает, что местные органы власти были вынуждены подчиняться жестким директивам из Москвы и не могли в полной мере противостоять сталинскому

режиму. В этих условиях они пытались смягчить последствия репрессий, ходатайствовать за осужденных, но их возможности были ограничены.

Таким образом, основными целями Большого террора в Узбекистане были уничтожение предполагаемых «классовых врагов» («врагов народа») и «националистических элементов» и удержание политической власти и контроля над узбекским обществом. Методами массового подавления стали проведение массовых арестов, суды по сфабрикованным делам и массовые расстрелы. Репрессии имели широкий масштаб и серьезные последствия для всего общества. Республика потеряла многих талантливых и образованных людей, особенно джадидов – Абдуллу Кадыри, Чулпона, Фитрата, Маджита Кадырова и многих других, которые отдали свои жизни за светлое будущее узбекского народа, народов древнего Туркестана. Ужасные последствия политических репрессий продолжались десятилетия и оказались тяжелым грузом для узбекского народа. Многие талантливые люди были лишены возможности развиваться и вносить свой вклад в процветание страны. Однако несмотря на то, что Большой террор уже в прошлом, его трагические последствия продолжают влиять на узбекское общество и сегодня. Важно помнить и изучать эту часть истории, чтобы не повторить ошибки прошлого и обеспечить благополучное будущее для всех граждан Узбекистана. Поэтому изучение и осознание роли партийных органов в Большом терроре в Узбекистане необходимо для общего понимания истории и обеспечения развития у молодого поколения навыка защищать свободу слова, выбора, личности.

Узбекистан активно стремится преодолеть темные страницы своей истории и устранить негативные последствия советской эпохи. Правительство Узбекистана проводит политику десоветизации[1] и осуждает репрессивные методы сталинского режима. Ярким примером тому служит Постановление Президента Республики Узбекистан Ш.М.Мирзиёева «О расширении работы по изучению жизни и деятельности, увековечению памяти соотечественников, ставших жертвами политических репрессий» от 19 июля 2024 года, которое поднимет данную работу на качественно новый уровень. Создается Республиканская комиссия по координации работ, определены основные задачи комиссии по расследованию преступлений прошлого, активно ведется работа над восстановлением справедливости каждого гражданина Узбекистана, кто был репрессирован в советское время. В частности, на сегодняшний день реабилитировано свыше 1030 человек, при этом за последние годы - более 240 человек.

В постановлении Президента поставлены цели всестороннего укрепления независимости страны, восстановления и глубокого изучения с научной точки зрения неизвестных страниц нашей истории, утверждения в обществе приоритета прав и свобод человека как высшей ценности и на этой основе усиления у соотечественников, особенно молодого поколения, чувства сопричастности к судьбе Родины, гражданской позиции, еще большего осознания ими ценности сегодняшней мирной, свободной и благополучной жизни.

Литература:

1. *Чащухин А.В.* Участие советских органов власти в проведении массовой операции в Прикамье Свердловской области // Сталинизм в советской провинции: 1937-1938 гг.: массовая операция на основе приказа № 00447 / Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации; Сост. М.Юнге, Б.Бонвеч, Р. Биннер. – Москва: РОССПЭН, 2009. – С. 624–647.

2. Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности НКВД. 1937 – 1938 гг. /Сост. В.Н. Хрустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. – Москва: МФД, 2004. – 736 с.

3. *Carrère d'Encausse H.* A history of the Soviet Union, 1917-1953 / H. Carrère d'Encausse. – Longman, 1981. [Online]. URL: https://openlibrary.org/books/OL23748711M/A_history_of_the_Soviet_Union_1917-1953.#edition-overview (Date of Access: 20. 04.2023).

4. *Довбня О.А*. Репрессии по партийной «окраске» в рамках «кулацкой операции» в Донецкой области // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг.: массовая операция на основе приказа № 00447 / Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации. – Москва: РОССПЭН, 2009. – С. 421–535.

[1] Десоветизация – теоретическая и практическая деятельность, направленная на отказ от советских идеалов, на устранение советской идеологии из всех сфер жизни общества.

5. *Колдушко А.А*. Роль партийных органов в осуществлении массовых репрессий в Свердловской области в 1937–1938 гг. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг.: массовая операция на основе приказа № 00447 / Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации. – Москва: РОССПЭН, 2009. – С. 663–673.

6. *Расулов Б.М.* Политические репрессии в период коллективизации в Узбекистане в 20–30-е годы XX века // International scientific review, 2017. – № 3 (34). – С. 29–32.

7. *Shamsitdinov R.R.* Repression of National Minorities in Uzbekistan (1937–1938) / R.R. Shamsitdinov // International Journal of Multicultural and Multireligious Understanding (IJMMU), 2023. – Vol. 10. No 4. – Pp. 389–397.

8. *Шамситдинов Р.Р*. Некоторые аспекты историографии Большого террора в Узбекистане (1937–1938 гг.) // Исторический бюллетень, 2022. – Т. 5. – № 1. – С. 102–107.

9. *Ишанходжаева З.Р.* Репрессивная политика советской власти и культура Узбекистана: трагедия выживания (1925–1953 гг.). – Ташкент: Тафаккур, 2011 – 288 с.

10. *Конквест Р.* Большой террор /Пер. с англ. Л. Владимирова. – Флоренция: Edizioni Aurora», 1974. – 1063 с.

11. Репрессия. 1937–1938 годы: Документы и материалы. Выпуск 1. Документы и материалы / Под ред. Н.Ф.Каримова; Андижанский гос. ун-т им. Бабура, Благотворительный фонд «Шаҳидлар хотираси», Благотворительный фонд научно-практической экспедиции «Мерос» («Наследие»). – Ташкент: Шарк, 2005. – С. 90–91.

12. Репрессия. 1937–1938 годы: Документы и материалы. Выпуск 4: Жертвы Большого террора из Узбекистана, 1937 год, декабрь /Под ред. Н.Ф.Каримова. Андижанский гос. ун-т им. Бабура, Благотворительный фонд «Шаҳидлар хотираси», Благотворительный фонд научно-практической экспедиции «Мерос» («Наследие»). – Ташкент: Шарк, 2008. – С. 352–353.

13. Архив Службы Государственной Безопасности (СГБ) Узбекистана. Папка – 26223, Л. 100–107.

THE ROLE OF THE USSR PARTY AND SOVIET BODIES IN THE GREAT TERROR

Ravshan R. Shamsitdinov[1]

Ilmiy xabarnoma. Seriya: Gumanitar tadqiqotlar – Scientific Bulletin. Series: Humanitarian Studies. 2024. 5(81). 28-36.

[1]Andijan State University, Andijan, 170100, str. University, 129 (Uzbekistan). E-mail: agsu_info@edu.uz

Key words: *party organs, Soviet power, Great Terror, anti-Soviet elements, repressions, executions.*

The article studies some aspects of the Great Terror in Uzbekistan, the participation of party and Soviet bodies of the USSR in carrying out repressions in 1937-1938. The study of this period of history and analysis of the archival documents gives grounds to assert that they played an active role in carrying out mass arrests, deportations and shootings, which led to many victims and terrible consequences for the population of the country.

The participation of the party and Soviet organs of Uzbekistan in the Great Terror was an integral part of the repressive policy pursued by the Soviet government. Between 1937 and 1938, as part of the Great Terror, the Soviet Union became the scene of political repression and mass murder, which were carried out in order to establish the absolute power of the Communist Party. Many people were convicted and killed, among them political figures, intellectuals, military personnel, peasants, etc. The actions of the party organs during this period became an integral part of the repression and political purges in the country [1. С. 624].

The reasons for this activism can be categorized into several main ones:

- First, the political system of the Soviet Union was built on the ideology of communism, which envisioned a class struggle against “enemies of the people” and the establishment of the dictatorship of

the proletariat. Party and Soviet organs were permeated by this ideology, their representatives were convinced of the need to fight the perceived opponents of the revolution;

- Secondly, the implementation of repression and the extermination of those "undesirable to the authorities" was one of the ways of strengthening the power of the Communist Party and its leaders in Uzbekistan. They sought to eliminate any possible threats to their position and maintain totalitarian control over Uzbek society. The use of party and Soviet bodies for this purpose ensured the consolidation of power and the removal of any competitors; [8. P. 102]

- Third, in the context of political instability and growing anti-communist sentiments in Uzbekistan, repressive policies were seen as a means of suppressing any manifestations of disobedience or opposition. Fear of potential enemies and the brutality of repressive measures motivated the security agencies to be active and systematic;

- Fourth, there was an environment of competition and competition for influence within the Communist Party of the Soviet Union. Party leaders and members sought to prove their devotion and loyalty, as well as their determination to fight against perceived enemies. All this created a competitive atmosphere in which radicalization and extremism often prevailed, and violence and repression were seen as the most effective means of achieving goals;

- Fifth, the dissemination of information about potential plots against the communist regime fueled hatred and paranoia, and promoted repressive measures. Ideological propaganda constantly emphasized the threat from external and internal enemies, which created an atmosphere of fear and helped legitimize repression;

- Sixth, the absence of an independent judiciary and the lack of restrictions on the power of the Soviet and Party organs allowed them to "freely" apply repressive measures and eliminate political opponents. Party and Soviet organs were part of a system to which double standards and impunity were applied.

Finally, it is important to note that the party and Soviet bodies actively participated in repressions not only out of fear and conviction, but also for strategic reasons [9. P. 288]. Repressions allowed to smooth out internal contradictions, suppress possible internal conflicts and maintain political stability.

References:

1. Chashchuhin, A.V. (2009) Uchastie sovetskih organov vlasti v provedenii massovoj operacii v Prikam'e Sverdlovskoj oblasti [Participation of Soviet authorities in the mass operation in the Kama region of the Sverdlovsk region]. // Stalinizm v sovetskoj provincii: 1937-1938 gg.: massovaya operaciya na osnove prikaza № 00447 / Upolnomochennyj po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii [Stalinism in the Soviet Union: 1937-1938: mass operation based on order No. 00447 / Full freedom of man in the Russian Federation]. Moccow: РОССПЭН, 2009. Pp. 624-647.

2. Lubyanka. (2004) Stalin i glavnoe upravlenie gosbezopasnosti NKVD. 1937– 1938 gg. [Stalin and the Main Directorate of State Security NKVD. 1937–1938]. Moscow: MFD.

3. Carrère d'Encausse, H. (1981) A history of the Soviet Union, 1917-1953. Longman. [Online]. URL: https://openlibrary.org/books/ OL23748711M/A _ history_of_the_Soviet_Union_1917-1953.#edition-overview (Date of Access: 20. 04. 2023).

4. Dovbnya, O.A. (2009) Repressii po partijnoj «okraske» v ramkah «kulackoj operacii» v Doneckoj oblasti [Repressions on party "coloring" within the framework of the "kulak operation" in the Donetsk region]. In: Stalinizm v sovetskoj provincii: 1937–1938 gg.: massovaya operaciya na osnove prikaza № 00447 / Upolnomochennyj po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii [Stalinism in the Soviet Provinces: 1937–1938: A Mass Operation Based on Order No. 00447 / Commissioner for Human Rights in the Russian Federation.]. Moscow: ROSSPEN.

5. Koldushko, A.A. (2009) Rol' partijnyh organov v osushchestvlenii massovyh repressij v Sverdlovskoj oblasti v 1937–1938 gg [The role of party organs in the implementation of mass repressions in the Sverdlovsk region in 1937-1938]. In: Stalinizm v sovetskoj provincii: 1937–1938 gg.: massovaya operaciya na osnove prikaza № 00447 / Upolnomochennyj po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii [Stalinism in the Soviet provinces: 1937–1938: a mass operation based on order No. 00447 / Commissioner for Human Rights in the Russian Federation]. Moscow: ROSSPEN. Pp. 663-673.

6. Rasulov, B.M. (2017) Politicheskie repressii v period kollektivizacii v Uzbekistane v 20-30-e gody XX veka [Rasulov B.M. Politicheskie repressii v period kollektivizacii v Uzbekistane v 20-30-e gody XX veka]. *International scientific review*. No 3 (34). Pp. 29-32.

7. Shamsitdinov, R.R. (2023) Repression of National Minorities in Uzbekistan (1937–1938). *International Journal of Multicultural and Multireligious Understanding* (IJMMU). Vol. 10. No 4. Pp. 389-397.

8. Shamsitdinov, R.R. (2022) Nekotorye aspekty istoriografii Bol'shogo terrora v Uzbekistane (1937-1938 gg.) [Some aspects of the historiography of the Great Terror in Uzbekistan (1937-1938*). Istoricheskij byulleten'.* Vol. 5. No 1. Pp. 102-107.

9. Ishanhodzhaeva, Z.R. (2011) Repressivnaya politika sovetskoj vlasti i kul'tura Uzbekistana: tragediya vyzhivaniya (1925-1953 gg.) [Repressive policy of the Soviet power and the culture of Uzbekistan: the tragedy of survival (1925-1953)]. Tashkent: Tafakkur.

10. Konkvest, R. Bol'shoj terror [The Great Ter]. Florenciya: EEdizioni Aurora».

11. Karimova, N.F. (ed.) (2005) Repressiya. 1937-1938 gody: Dokumenty i materialy [Repression. 1937-1938: Documents and Materials. Issue 1. Documents and Materials]. Issue 1. Dokumenty i materialy Blagotvoritel'nyj fond «Shahidlar xotirasi», Blagotvoritel'nyj fond nauchno-prakticheskoj ekspedicii «Meros» («Nasledie») [Documents and materials Charitable foundation "Shahidlar Xotirasl", Charitable foundation of the scientific and practical expedition "Meros" ("Heritage")]. Tashkent: Shark. Pp.90-91.

12. Karimova, N.F. (ed.) (2008) Repressiya. 1937–1938 gody: Dokumenty i materialy [Repression. 1937–1938: Documents and materials. Victims of the Great Terror from Uzbekistan, 1937, December]. Jertvy Bol'shogo terrora iz Uzbekistana, 1937 god, dekabr' Andizhanskij gos. un-t im. Babura, Blagotvoritel'nyj fond "Shahidlar xotirasi", Blagotvoritel'nyj fond nauchno-prakticheskoj ekspedicii "Meros" ("Nasledie") [Charity Foundation "Shahidlar Khotirasi", Charity Foundation of the scientific and practical expedition "Meros" ("Heritage")]. Tashkent: Sharq. Issue 4.Pp. 352-353.

13. Arhiv Sluzhby Gosudarstvennoj Bezopasnosti (SGB) Uzbekistana [Arhiv of the State Security Service (SSS) of the Republic of Uzbekistan]. Folder - 26223. L. 100-107.

Сведения об авторе:

ШАМСИТДИНОВ Равшан Рустамбекович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Узбекистана Андижанского государственного университета.

E-mail: ravshanshamsitdinov@adu.uz